DOI: 10.31249/rsm/2025.04.06

Ф.О. Трунов

ЗНАЧЕНИЕ ЯПОНИИ ДЛЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРИСУТСТВИЯ ФРГ В ИНДО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Аннотация. *В начале 2020-х годов стал заметен кризис стратегического присутствия ФРГ на глобальном уровне, особенно на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Африке севернее Сахары. Один из вариантов компенсации потерь – создание позиций в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР) в условиях конфронтации здесь между США и их партнерами с Китайской Народной Республикой. В статье исследуется фактор отношений с Японией в сфере безопасности и обороны для продвижения влияния ФРГ в ИТР. Современная попытка Берлина выстроить позиции на Дальнем Востоке исторически являлась третьей по счету. Первая (в конце XIX – начале XX в.) и вторая (в преддверии и на начальных этапах Второй мировой войны) убедительно доказали важность поддержки (или ее отсутствия) со стороны Японии. Осознание этого нашло отражение на доктринальном уровне (в «Руководящих принципах политики в ИТР» 2020 г.) и на практическом. Раскрываются особенности политико-дипломатических контактов сторон, особенно запуск формата межправительственных консультаций в марте 2023 г., предшествующее учреждение механизма «2+2» (встреч глав внешнеполитических и военных ведомств). В сопоставлении показывается функционирование данной площадки с участием ФРГ с Японией и Австралией. При направлении в ИТР фрегата бундесвера (2021) именно японские Силы самообороны стали основным партнером при проведении маневров. Сотрудничество было продолжено уже в ходе военно-воздушной операции Rapid Pacific 2022, притом объемы военного экспорта ФРГ в страну оставались точечными. Делается вывод о роли Японии как проводника интересов Германии в ИТР.*

Ключевые слова: *Индо-Тихоокеанский регион; стратегическое присутствие; межправительственные консультации; формат «2+2»; бундесвер; Дальний Восток; Германия; Япония.*

Трунов Филипп Олегович – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН). Россия, Москва.
E-mail: 1trunov@mail.ru
Scopus Author ID: 57211605240
ORCID ID: 0000-0001-7092-4864
Researcher ID: AAC-7844-2020

Ph.O. Trunov

The Significance of Japan for the Federal Republic of Germany's Strategic Presence in the Indo-Pacific Region

Abstract. *In the early 2020s, Germany faced a crisis of its strategic presence on the global stage, first of all in the Near and Middle East and in North Africa. One of the ways to compensate for these losses was to establish a presence in the Indo-Pacific region (IPR), where confrontation between the United States, its allies, and China has intensified. The article explores relations with Japan in the sphere of security and defense as a means of strengthening Germany's positions in the IPR. The current German attempt to establish such a presence is the third historically. The first attempt (late nineteenth to early twentieth century) and the second (in the run-up to and the early stages of World War II) demonstrated the particular importance of Japanese support, or its absence. This awareness has been reflected at both the doctrinal level (in the "Policy Guidelines for the Indo-Pacific Region," 2020) and the practical level. The article examines the features of bilateral political and diplomatic contacts, above all the launch of the intergovernmental consultations format (March 2023). This was preceded by the "2+2" format (meetings of the foreign and defense ministers). The use of this format by Germany with Japan and Australia is compared. When the Bundeswehr sent a frigate to the IPR (2021), the Self-Defense Forces became its main partner in the maneuvers. Cooperation continued during the air force mission Rapid Pacific 2022, but the volume of the Federal Republic of Germany's arms and military equipment exports to the country has been limited. In conclusion, the role of Japan as a conduit for Germany's interests in the region is demonstrated.*

Keywords: *Indo-Pacific region; strategic presence; intergovernmental consultations; "2+2" format; Bundeswehr; Far East; Germany; Japan.*

Trunov Philipp Olegovich – Doctor of Political Sciences, Leading Researcher of Department of Europe and America of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
Russia, Moscow.
E-mail: 1trunov@mail.ru
Scopus Author ID: 57211605240
ORCID ID: 0000-0001-7092-4864
Researcher ID: AAC-7844-2020

Введение

С 1990-х годов ФРГ последовательно стремилась расширять стратегическое присутствие на международной арене. Однако в начале 2020-х годов процесс вступил в состояние кризиса: Германия вынужденно лишалась роли гаранта стабильности и безопасности для стран происхождения вооруженных конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Африке – севернее экватора. Символами кризиса стали эвакуации миссий бундесвера из Афганистана (к середине 2021 г.) и Мали (к началу 2024 г.).

Масштабные геостратегические потери требовали поиска путей компенсации, выбор которых на практике был достаточно ограниченным. Это, во-первых, заметный рост активности внутри зоны ответственности НАТО (прежде всего, в Восточной и Северной Европе), что информационно обыгрывалось в контексте «сдерживания» некоей «российской угрозы». Во-вторых, начало проникновения ФРГ в регионы, ранее обойденные заметным стратегическим вниманием официального Берлина, – прежде всего, Дальний Восток и прилегающие к нему территории и акватории. Для их обозначения ФРГ использовала понятие «Индо-Тихоокеанский регион» (ИТР) [Leitlinien zum Indo-Pazifik 2020], введенное в оборот Японией и США в конце 2000-х годов.

ФРГ, традиционно позиционирующая себя как одну из «западных демократий», при попытках проникновения в ИТР должна была опираться на поддержку расположенных в регионе государств – членов данного сообщества и его ближайших партнеров. К первой категории могли быть отнесены, кроме США, Австралия, Новая Зеландия и Япония. В северной части Тихого океана располагается лишь Япония; она же единственная из названных стран не входит в группу англо-саксонских государств. Для последних, несмотря на наличие определенных разногласий, в целом была характерна высокая готовность к консолидации внутри своего круга в увязке со стремлением к обеспечению доминирования собственных подходов и влияния [Васильев 2024, с. 127–128]. Это приобретало особое значение в условиях продолжительного роста отчужденности между США, группой из партнеров (прежде всего, Австралией и Японией) и Китайской Народной Республикой (КНР), требуя от ФРГ четко сформулировать отношение к развивающейся конфронтации [Арзаманова 2024, с. 242]. В начале 2020-х годов ФРГ была готова только к ограниченному по масштабу и плавному дистанцированию от КНР, учитывая торгово-хозяйственную взаимосвязь двух стран [Белов 2024, с. 206–212] и сложность активного участия в нескольких конфронтациях на фоне масштабной вовлеченности в противодействие Российской Федерации. Япония также участвовала в кооперации с США в «сдерживании» КНР [Истомин 2023, с. 209–211].

Задача настоящей статьи – используя возможности сравнительного анализа, исследовать практическую важность для ФРГ сотрудничества с Японией в контексте выстраивания Германией с начала 2020-х годов системы стратегического присутствия Берлина в ИТР. Несмотря на наличие большого корпуса работ по внешней политике обеих стран, их сотрудничество, особенно в сфере безопасности и обороны, изучено весьма ограниченно. Непосредственно роль Японии во внешнеполитическом планировании и практике ФРГ в ИТР рассматривалась сугубо точечно [Maull, Stanzel, Thimm 2023; Трунов 2023; Трунов 2024b]. Статья призвана отчасти восполнить указанный пробел.

Фактор Японии для закрепления Германии на Дальнем Востоке: историческая детерминированность

Исторически сложилось, что условие, обязательное (но недостаточное само по себе) для стратегического проникновения Германии на Дальний Восток – опора на сотрудничество с Японией. Современные усилия по обеспечению присутствия в регионе для Берлина явились третьей по счету попыткой.

Первая была осуществлена Германской империей. Возникновению в конце 1890-х годов и успешному функционированию ее колонии Циндао на востоке Китая во многом способствовала подготовка Японии к захвату Кореи и установлению контроля над Маньчжурией. Решив данные задачи, Япония совместно с Великобританией в начале Первой мировой войны захватила Циндао (1914), лишив Германию единственного континентального владения в регионе [Атлас офицера 1974, с. 229].

После прихода к власти А. Гитлера в 1933 г. германские нацисты стали проявлять повышенный интерес к выстраиванию союзнических отношений с японскими милитаристами, впервые развернувшими агрессию в Маньчжурии 18 сентября 1931 г. Тем самым масштабный очаг боевых действий на Дальнем Востоке возник намного раньше, чем Берлин совершил первые территориальные захваты в условиях политики «умиротворения агрессора» (с 1936 г.) и официального начала Второй мировой войны (с сентября 1939 г.). Блок агрессоров, в котором нацистская Германия и милитаристская Япония играли ключевую роль, оформился в конце 1930-х годов в виде «Тройственного пакта», который был подписан в Берлине в 1940 г. В целом стороны четко договорились о разделении направлений для агрессии, последующей оккупации и порабощения народов мира. Дальний Восток, включая относимые к этому региону территории СССР, считался зоной интересов Японии [там же, с. 246]. Вместе с тем на практике вопрос о лидерстве внутри «Оси» между Германией и Японией до конца не был урегулирован. Это проявилось в заметной несогласованности действий против СССР – его планируемый быстротечный разгром вермахтом без оперативного подключения японских войск должен был утвердить за Берлином ведущее положение. Чрезмерная уверенность Германии в своих силах проявилась в том, что во время посещения столицы Третьего рейха министром иностранных дел Японии Ёсукэ Мацуока в апреле 1941 г. ему не было сообщено о переходе подготовки плана «Барбаросса» в завершающую стадию. Возвращаясь в Японию, дипломат подписал с СССР 13 апреля 1941 г. соглашение о нейтралитете, которое не являлось «страховкой» для советского правительства в вопросе ведения войны на два стратегических фронта, но показывало степень нескоординированности действий ключевых держав «Оси» [Смирнов, Зайцев 1978, с. 210–228]. Ситуация могла быть исправлена до декабря 1941 г. (начала отступления вермахта на московском направлении и нападения императорского флота и авиации на Пёрл-Харбор, т. е. разворота Японии

в осуществлении агрессии на юг, а не на север), с большим трудом – до осени 1942 г. (утрата Японией инициативы после поражения у атолла Мидуэй в июне; окружение войск Германии и ее сателлитов под Сталинградом в конце ноября). Однако данный сценарий остался гипотетическим, а в последующем, по мере всё более масштабных поражений и итоговой капитуляции обоих агрессоров, их практическая координация стала в принципе невозможной.

После окончания Второй мировой войны 1939–1945 гг. Западная Германия и Япония оказались в сообществе «западных демократий», в рамках которого они двигались по пути восстановления субъектности, а затем мощи и влияния. Для обеих стран ключевым партнером стали США, сквозь призму диалога с которыми уже развивалось непосредственно сотрудничество официальных Бонна и Токио. В военно-стратегическом отношении ФРГ оказалась сильнее интегрирована в лагерь «либеральных демократий», став государством – членом НАТО. Западная Германия выстраивала свою линию в сфере обороны и безопасности в контексте многосторонних союзнических связей, Япония – с опорой на двусторонние контакты (прежде всего, с США, в заметно меньшей степени с другими партнерами).

Практическое сотрудничество сторон, особенно военное, в условиях конфронтации Запад – Восток было сведено к минимуму: речь в принципе не шла в 1950–1980-е годы о новой попытке ФРГ обеспечить присутствие на Тихом океане. Каждое из государств располагалось в передовой зоне сообщества «западных демократий», но в «своей» части Света, предельно фокусируясь на использовании военного инструментария в пределах национальных границ и «домашнего» региона – Западной Европы и Дальнего Востока соответственно. Вместе с тем обе страны в создали мощные разновидовые конвенциональные вооруженные силы, именуемые бундесвером и Силами самообороны соответственно. Это одновременно являло практическую основу и отложенное до окончания «холодной войны» стремление к восстановлению статуса державы.

В постбиполярных реалиях ФРГ, с одной стороны, приняла более жесткие ограничения в плане качественных [бессрочный отказ от владения, производства, распоряжения всеми основными видами оружия массового уничтожения/поражения (ОМУ/ОМП)] и количественных (штатная численность до 370 тыс. человек) параметров развития вооруженных сил, что было закреплено договором «2+4» в 1990 г. Это были обязательства, принимаемые в обмен на согласие держав-победительниц на объединение Германии под эгидой ФРГ [Трунов 2022, с. 233–236, 297–298]. Это положение, больший исторический опыт германо-прусского государства, а также встроенность в евро-атлантические институты (НАТО и Европейский союз) способствовали тому, что ФРГ в 1990–2010-е годы заметно опередила Японию в плане распространения стратегического присутствия на международной арене. Даже в условиях отмеченного выше кризиса в начале 2020-х годов Берлин намного активнее стремился выстроить свое военно-политическое присутствие на Дальнем Востоке, чем Токио – в Европе.

Декларирование намерений было оформлено в прецедентной для ФРГ региональной стратегии – «Руководящих принципах политики в Индо-Тихоокеанском регионе» от сентября 2020 г. [Leitlinien zum Indo-Pazifik 2020]. Завершающий этап разработки документа по времени пришелся на первые, самые трудные, фазы пандемии COVID-19 (весна-лето 2020 г.). Эта хронологическая особенность косвенно указывала на то резко возраставшее внимание, которое ФРГ стала уделять ИТР в своем внешнеполитическом планировании. Показательна частотность упоминания в документе различных региональных «западных демократий» и их партнеров: так, США названы 9 раз, Австралия – 16 раз, Республика Корея – 17 раз, Япония – 27 раз, что являлось важным индикатором на доктринальном уровне. Низкое значение показателя для США во многом объяснялось тем, что в период первого президентства Д. Трампа (в 2017–2021 гг.) произошло заметное снижение доверия в межгосударственном диалоге. Однако документ всё же принимался не на кратко-, а как минимум на среднесрочную перспективу. Одним из важнейших треков межгосударственного диалога с партнерами в ИТР признавались отношения с Японией [ibid., S. 9–20], подтверждая историческую преемственность попыток закрепления влияния Германии на Дальнем Востоке.

О политической значимости Японии в региональной линии ФРГ

Выстраивание своего стратегического присутствия ФРГ традиционно начинает с использования политико-дипломатических возможностей. Обращение к ним первоочередно не только по времени, но и значимости, задает рамочные условия для других видов активности, особенно военной. По дипломатической линии на территории Японии ФРГ имела посольство, генеральное консульство (в Осака-Кобе) и четырех почетных консулов. В начале 2020-х годов очные двусторонние встречи на высшем уровне стали ежегодными. С посещения Японии в конце апреля 2022 г. канцлер (в 2021–2025 гг.) О. Шольц начал азиатское турне [Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsident Kishida… 2022].

Помимо традиционного функционирования системы дипломатических представительств и отдельных встреч на высшем (глав правительств) и высоком уровнях важную роль играло сотрудничество с использованием постоянно функционирующих много- и особенно двусторонних переговорных площадок.

ФРГ и Япония являлись участницами «Группы семи» (G7), однако в начале 2020-х годов ее потенциал для обеспечения стратегического проникновения ФРГ в ИТР использовался ограниченно. Председательства в G7 Германии в 2022 г. и Японии в 2023 г., демонстрируя преемственность, функционально были прежде всего нацелены на согласование мер по ужесточению «сдерживания» России в условиях проведения ею вынужденной Специальной военной операции на Украине. Вместе с тем Япония не была готова выделить значитель-

ные военные силы для поддержки партнеров по НАТО в Европе и демонстрировала осторожность (несоизмеримую по качеству и объемам с активностью ФРГ) в вопросе предоставления вооружений и военной техники, боеприпасов и даже предметов профильного снабжения вооруженным силам Украины.

Бóльшую роль играли двусторонние переговорные площадки, учреждаемые в начале 2020-х годов прежде всего под обеспечение стратегического присутствия ФРГ в ИТР. В апреле 2021 г. стороны впервые провели встречу в формате «2+2» (с участием глав военных и внешнеполитических ведомств), на которой согласовали заход фрегата «Бавария» (F 217) в порт Токио, использование этого корабля в военно-тренировочной деятельности совместно с Военно-морскими силами Сил самообороны [Außen- und sicherheitspolitische Konsultationen… 2024]. Однако это была тактическая задача механизма «2+2»; стратегически он должен был стать предтечей формата межправительственных консультаций, а в случае запуска формата – дополнять его функционирование. Такую же частную (применительно к миссии «Баварии» и подобным ей в дальнейшем) и более общую направленность имел и другой формат «2+2», запущенный в 2016 г. и реактивированный в июне 2021 г., – ФРГ с Австралией (см. подробнее: [Трунов 2024b, с. 231–232]).

Результаты использования данного формата с этими странами заметно отличаются. Формат «2+2» с Японией вновь собрался в ноябре 2022 г. [Auswärtiges Amt zu den Konsultationen… 2022], а в марте 2023 г. были запущены межправительственные консультации (с предварительным оглашением планов) [Deutschland und Japan arbeiten eng zusammen 2023]. С Австралией же формат «2+2» не созывался в 2022–2025 гг., а вопрос о консультациях де-юре даже не ставился. Причинами видятся различный по объему и продолжительности опыт диалога в ретроспективе и фактор принадлежности Австралии к кругу англо-саксонских государств. Она ориентировалась в вопросе запуска формата межправительственных консультаций с ФРГ на США (которые при Дж. Байдене проигнорировали соответствующее предложение) и Великобритании (согласилась де-юре, но в первой половине 2020-х годов тормозила реальный запуск механизма).

В системе форматов, созданных с участием США для «сдерживания» КНР, роль Австралии и Японии в начале 2020-х годов была соизмерима. Обе страны вошли в состав структуры «Партнеры в Голубом Тихом океане» (англ. – Partners in the Blue Pacific, PBP; также учредителями стали США, Великобритания и Новая Зеландия), созданной 24 июня 2022 г. PBP декларировали стремление сохранить уникальные флору и фауну островов Тихого океана [Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom, and the United States… 2022], к которым относится и Тайвань. С 2021 г. НАТО как крупнейший носитель многосторонней военной мощи «западных демократий» провозгласила расширение своих компетенций на сферы, на которые никогда ранее не распространялась компе-

тенция Альянса, – экологическую, экономическую и энергетическую. Данный прецедент может быть использован, если РВР, примут на себя ответственность не только в экологической сфере, но и в военно-политической области. При таком сценарии РВР станут площадкой для оказания скоординированной поддержки властям на о. Тайвань. В 2023 г. в состав РВР вошло первое европейское континентальное государство – ФРГ [Трунов 2024а, с. 15–18]. Это институционально несколько расширило возможности для ее сотрудничества с Японией, однако к середине 2020-х годов данный трек в диалоге не стал первостепенным. Австралия является осевым членом AUKUS (создан в 2021 г. по инициативе Великобритании и при поддержке США), Япония (наряду с Республикой Корея) вносит активный вклад в функционирование другого «треугольника» с участием США [Сидоров 2024, с. 36–37]. Зона ответственности AUKUS расположена к югу от о. Тайвань (и на заметном удалении от него), а институционально оформленного триумвирата официальных Сеула, Вашингтона, Токио – к северу, представляя важные механизмы по «сдерживанию» КНР (де-юре «треугольник» Корея – США – Япония направлен против Корейской Народно-Демократической Республики, КНДР) [Васильев 2022, с. 239; Истомин 2023, с. 210].

В начале 2020-х годов США стали фактически готовить доступ к ОМУ для Австралии, одновременно проявляя осторожность в предоставлении данной стратегической опции для Японии. В основу концепции AUKUS положена схема постройки и передачи (на коммерческой основе) Канберре атомных подводных лодок США и/или Великобритании, а также базирование их морских и воздушных носителей ОМУ на австралийских базах. Первое из данных решений было оформлено в 2021 г. [Васильев 2022, с. 235–237], второе – в 2022–2023 гг. со среднесрочным сроком старта полноценной реализации [Joint Leaders Statement on AUKUS 2023]. В случае Японии, придерживающейся добровольного отказа от пользования ОМУ, на конец 2025 г. вопрос о возможном обретении ею ОМУ (что технически реализуемо) обозначался лишь рядом экспертов, но не на официальном уровне. При этом речь идет прежде всего о размещении во владениях Японии ядерных боезарядов США [Romei 2023] – ФРГ являлась их реципиентом еще с «холодной войны».

Размещение ОМУ Соединенных Штатов (в случае Австралии и Британии) на территории или в территориальных водах Австралии и Японии не окажется чрезмерно политически чувствительным для ФРГ. Иным будет для нее создание (или получение в распоряжение) Японией и/или Австралией собственного ядерного оружия. Самоограничения Берлина в данном вопросе юридически намного жестче (пересмотр их будет формально означать аннулирование всего комплекса положений договора «2+4» 1990 г.), чем у Токио при фактическом отсутствии таковых у Канберры. При возникновении данной перспективы ФРГ будет доносить свою обеспокоенность до партнеров – прежде всего, Японии, используя разветвленную систему дву- и многосторонних площадок с совместным участием.

Запущенный 19 марта 2023 г. формат германо-японских межправительственных консультаций стал второй по счету площадкой, созданной ФРГ с региональным игроком на Дальнем Востоке. Первая была учреждена с КНР в 2011 г. В конце 2010-х – начале 2020-х годов последний формат функционировал с заданной частотностью (раз в два года с учетом фактора пандемии COVID-19), но демонстрировал нисходящую динамику. Так, по итогам пятых консультаций в июле 2018 г. ФРГ и КНР приняли совместное заявление, содержавшее большой блок политических вопросов [Gemeinsame Erklärung anlässlich der 5 2018]. На 6-й встрече в апреле 2021 г. согласованный документ не был принят, что можно объяснить дистанционным характером переговоров (из-за сохранения непростой эпидемиологической обстановки). Однако седьмые консультации в июне 2023 г., прошедшие очно, вновь завершились без принятия совместного заявления, а удельный вес политического блока в целом, особенно вопросов безопасности и обороны, в переговорной повестке заметно сократился [Globalen Herausforderungen gemeinsam begegnen 2023]. Отметим, что китайская сторона не ставила вопрос о переформатировании консультаций из межправительственных в межгосударственные (это важно с учетом политического устройства КНР), а председатель Си Цзиньпин не участвовал в работе формата. Обе очные встречи в нем (2018 и 2023 гг.) проходили в ФРГ, т. е. дистанционная была сочтена как организованная в КНР. Всё это отражало рост напряженности в диалоге Берлина и Пекина, особенно в политической и военной областях, что нашло отражение в принятой в июле 2023 г., через месяц после седьмых межправительственных консультаций, Стратегии Германии по Китаю (China-Strategie der Bundesregierung) [Трунов 2024b, с. 225–226].

Консультации с КНР закономерно сочетались с подчеркнутым стремлением ФРГ укреплять в данных сферах сотрудничество с Японией, что продемонстрировали первые межправительственные консультации с ней, притом в качестве принимающей стороны [Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem japanischen Ministerpräsidenten Kishidada… 2023]. Переговоры зафиксировали согласие сторон или близость позиций по ключевым вопросам в сфере международной безопасности. Стороны подвергли жесткой критике внешнюю политику России, особенно на украинском направлении, и развитие ракетно-ядерной программы КНДР, а также подчеркнули солидаризацию с Республикой Корея [ibid.]. Притом практически полным молчанием на пресс-конференции был обойден «тайванский вопрос». ФРГ, как и Япония, негласно поддерживала политическое дистанцирование администрации острова от КНР, однако пыталась избежать открытого декларирования этого во избежание резкой эскалации напряженности с китайскими властями.

Еще одна опора политического сотрудничества ФРГ и Японии – взаимная поддержка претензий на постоянные места в Совете Безопасности ООН. Это направление кооперации возникло задолго до начала стратегиче-

ского проникновения ФРГ в ИТР – во второй половине 1990-х годов. Пик координации усилий пришелся на 2005 г., когда на фоне выдвижения Генеральным секретарем ООН К. Аннаном доклада «К большей свободе», была осуществлена заметная, но неудачная попытка решить данный вопрос. ФРГ и Япония (вместе с Бразилией и Индией) стали участницами «Группы четырех» (G4). Безрезультатность усилий не привела, однако, к отказу сторон от сотрудничества – оно продолжалось как в рамках G4, так и на двусторонней основе [Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsident Kishida… 2022; Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem japanischen Ministerpräsidenten Kishidada… 2023]. В контексте попыток ФРГ выстроить заметное присутствие в ИТР данный трек кооперации неизбежно будет продолжать активно развиваться.

Военная ценность Японии для стратегического влияния ФРГ в ИТР

В военном плане «узким местом» сотрудничества выступали ограниченные объемы военного экспорта ФРГ в Японию, особенно в сравнении с Австралией, Сингапуром и Республикой Корея (см. табл.). Так, Австралия приобретала грузовики и запасные части для бронетехники, Сингапур – танки, комплектующие к ним и дизельные подводные лодки. Точечные объемы импорта Японии обусловлены высокой степенью технологической развитости военно-промышленного комплекса страны и традиционной ориентацией по отдельным категориям вооружений и военной техники не на ФРГ, а на США. Однако данное положение в целом компенсировалось возникновением и развитием сотрудничества сторон по линии вооруженных сил.

Таблица 1

Объемы экспорта вооружений и военной техники ФРГ в ряд государств ИТР (в млн евро)

Государство	Годы				
	2017	2018	2019	2020	2021
Австралия	265,4	434,4	304,3	236,9	264,1
Новая Зеландия	5,4	4,5	2,8	9,0	2,9
КНР	40,8	12,3	0,7	6,8	0
Сингапур	90,2	77,5	48,8	243,8	629,6
Республика Корея	253,6	230,9	372,4	225,0	186,4
Япония	14,7	19,3	13,2	18,5	22,5

Источник: [Bericht… 2018, S. 86, 92, 95, 100; Bericht… 2019, S. 84, 85, 90, 93, 94, 98; Bericht… 2020, S. 98, 99, 105, 109, 112; Bericht… 2021, S. 111, 112, 116, 120, 124; Bericht… 2022, S. 113, 114, 124, 129].

В августе 2021 – феврале 2022 гг. с первой в истории ФРГ военно-дипломатической миссией в ИТР был направлен фрегат «Бавария». В акваториях двух океанов он осуществил 9 официальных заходов в порты и 5 остановок с целью дозаправки топлива, из них в Японии – лишь 1 и 0 соответственно (в Австралии – 1 и 1) [Indo-Pacific Deployment… 2021a]. Продолжительный дружественный визит в Токио был приурочен к 160-летию установления германо-японских дипломатических отношений (1861 г.) [Indo-Pacific Deployment 2021b]. После пребывания в Токио в середине ноября фрегат был приглашен к проведению совместных морских маневров к югу от японской столицы, на которых присутствовал министр обороны Японии [ibid.], а затем 20–30 ноября 2021 г. участвовал в организуемых ежегодно (с 1996 г.) крупномасштабных учениях ANNUALEX 2021 в Филиппинском море. Япония выделила около 10 фрегатов и эскадренных миноносцев, вертолетоносец и подводную лодку, США (от 7-го оперативного флота) – авианосец, подводную лодку и два танкера, Австралия – фрегат и эскадренный миноносец, Канада – фрегат [Marinemanöver 2021]. Иными словами, вклад ФРГ в ANNUALEX 2021 был равен или близок к таковому у каждой из двух указанных крайними англо-саксонских держав, но был несоизмеримо меньше, чем у государства-организатора. В декабре 2021 г., после посещения Японии (и Кореи) «Бавария» прошла через акваторию Восточно-Китайского, а затем и Южно-Китайского морей, получив отказ КНР в заходе в порт Шанхай [Арзаманова 2022, с. 268]. Тем самым ФРГ продемонстрировала поддержку Японии в ее споре с КНР за острова в Восточно-Китайском море.

Во второй половине августа – начале сентября 2022 г. в ИТР была направлена первая военно-воздушная миссия бундесвера в составе шести истребителей Eurofighter, четырех транспортных самолетов A400M и трех многофункциональных заправщиков A330 MRTT. Они совершили трансконтинентальный перелет по маршруту Абу-Даби – Сингапур в течение суток [Rapid Pacific 2022]. Затем группа разделилась на три части, направленные в Австралию (где они приняли участие в учениях Pitch Black), Корею и Японию соответственно. Самолеты люфтваффе в Японии торжественно встречали F2 Военно-воздушных сил Сил самообороны [Rapid Pacific Teil 4 – Die Besuche 2022].

Выбор для первоочередного использования ФРГ указанных родов войск – военно-морских и военно-воздушных, а не наземных сил – объясняется несколькими причинами: во-первых, географическими особенностями ИТР и самих Японских островов; во-вторых, логистическими аспектами[1]; в-третьих, меньшей провокационностью применения военно-воздушных и особенно

1. С учетом дальности расстояний осуществить трансконтинентальную оперативную и одновременно кратковременную (до нескольких недель) переброску и развертывание в случае небольшой группы кораблей и самолетов намного легче, чем сухопутных подразделений, кроме аэромобильных сил.

военно-морских сил по отношению к оппоненту – КНР[2]; в-четвертых, вовлеченностью конкретных видов вооруженных сил ФРГ в «сдерживании» России в плане предоставления контингентов личного состава и техники в состав группировок НАТО внутри германской зоны ответственности[3]. Следует также учесть, что в 2023 г. германо-японское сотрудничество по линии вооруженных сил было условно односторонним: Берлин направлял свои корабль и группу самолетов в «домашний» регион партнера, а Токио, в свою очередь, – нет. Иными словами, ФРГ демонстрировала готовность участвовать сразу в двух конфронтациях (с Россией и КНР), а Япония – в одной.

На первый взгляд, это должно было обеспечить за ФРГ положение старшей в межгосударственном диалоге. Однако на практике едва ли это так. Объемы использования бундесвера были небольшими в абсолютном отношении – порядка 250 военных в каждом случае [Indo-Pacific Deployment… 2021a; Rapid Pacific 2022] – и удельном – в сравнении с численностью Сил самообороны Японии в целом их части, непосредственно взаимодействовавшей с вооруженными силами ФРГ, и общими размерами самого бундесвера. Не менее важно иное: без опоры на использование военно-морских и воздушных баз в Японии для ФРГ было бы крайне проблематично в принципе развернуть в ИТР полноценное присутствие бундесвера. В свою очередь, в случае попыток использовать свои контингенты в Европе Япония оказывалась существенно менее зависима от поддержки ФРГ, особенно при направлении кораблей Сил самообороны в акватории к югу от Европы (прежде всего, в Средиземное море). Также следует обратить внимание на минимальные объемы военного экспорта ФРГ в Японию.

Заключение

На первом этапе стратегического проникновения ФРГ в ИТР в 2021–2023 гг. роль Японии оказалась даже несколько большей, чем предполагалось на доктринальном уровне изначально (в «Руководящих принципах политики в ИТР», принятых в сентябре 2020 г.). Это обусловлено несколькими обстоя-

2. Напомним особенности развертывания военного присутствия НАТО как организации в Восточной Европе: первоначально (в 2004–2013 гг.) организация ограничивалась военно-морскими и военно-воздушными компонентами, появление же сухопутного присутствия (точечно с 2014 г., притом лишь США, очагового с 2016–2017 гг., достаточно масштабного с 2022–2023 гг.) являлось одним из ключевых индикаторов заметного ужесточения конфронтации между Евро-Атлантическим сообществом и Россией [Strengthening NATO's eastern flank 2025].

3. Наибольшая (во всех отношениях) нагрузка ложилась на сухопутные войска, в заметно меньшей степени – на военно-воздушные силы; фрегаты, представлявшие в реалиях первых десятилетий XXI в. основной класс надводных кораблей, которые предназначались для присутствия в Мировом океане, не использовались в комплектовании войсковых механизмов НАТО.

тельствами. Во-первых, исторически наработанным опытом тесного сотрудничества. Речь шла не только о закономерности того, что поддержка со стороны Токио была необходимым условием для успеха дальневосточных инициатив Берлина. Общим знаменателем навсегда останется принадлежность Германии и Японии к блоку агрессоров во Второй мировой войне и вызванная этим определенная схожесть национальных моделей внешней политики, в целом принципиальная заинтересованность друг в друге (что, в частности, демонстрировал формат G4). Во-вторых, объективной геостратегической ценностью Японии; в-третьих, тем, что продвинутый диалог ФРГ с Японией в ИТР в сфере безопасности и обороны намного ближе подошел к категории «всесезонного» (сохраняющего в основе своей качество и направленность при смене правительств в обеих странах, заметных изменениях международной обстановки), чем, например, с Австралией. В данном случае проявлялся фактор принадлежности (или отсутствия принадлежности) партнера (Канберры и Токио) к группе англо-саксонских стран.

В начале 2020-х годов значимое для ФРГ сотрудничество с Японией развивалось одновременно в политической плоскости (запуск и использование формата «2+2» и особенно межправительственных консультаций; кооперация в рамках G7 и G4) и по линии вооруженных сил. ФРГ направляла в регион миссии по линии военно-морских (в 2021 г.) и военно-воздушных (в 2022 г.) сил, но пока это отдельные эпизоды, готовящиеся стать тенденцией, а не она сама. Данная особенность отражает ограниченность тех ресурсов, которые ФРГ могла на практике использовать на дальневосточном направлении и тем еще бóльшую ценность для Берлина продвинутого сотрудничества с Японией. Как минимум в ближне- и среднесрочной перспективе данное положение будет сохраняться в увязке с медленным, но идущим ростом вовлеченности ФРГ в «сдерживание» КНР.

Библиография

Арзаманова Т.В. Китайская головоломка в контексте «смены эпох» (Zeitenwende) // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4. С. 240–259.

Арзаманова Т.В. Отдельные аспекты стратегического планирования Германии в Индо-Тихоокеанском регионе в условиях возвращения соперничества великих держав // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 258–284.

Атлас офицера. М.: Военно-топографическое управление ГШ ВС СССР, 1974. 394 с.

Белов В.Б. Отношения ФРГ с КНР: непростое триединство партнерства, конкуренции и соперничества // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4. С. 199–222.

Васильев В.С. Англосаксонские скрижали нарастающего глобального цивилизационного противостояния // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 234–257.

Васильев В.С. «Холодная война» между США и КНР: роль и интересы Великобритании // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4. С. 125–143.

Истомин И.А. Вашингтон – Сеул – Токио в доктрине Байдена // Россия в глобальной политике. 2023. № 3. С. 208–212.

Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1978. 542 с.

Сидоров А.Ю. Отношения США и Китая при администрации Дж. Байдена: новый этап противостояния // Актуальные проблемы Европы. 2024. № 4. С. 27–48.

Трунов Ф.О. Германская модель военных реформ. М.: ИНИОН РАН, 2022. 360 с.

Трунов Ф.О. Динамика противостояния США с КНР и позиция европейских государств // Актуальные проблемы Европы. 2024a. № 4. С. 7–26.

Трунов Ф.О. Особенности подхода Германии к выстраиванию сотрудничества с Японией в сфере безопасности и обороны в начале 2020 х гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 3. С. 143–158.

Трунов Ф.О. Подход ФРГ к противостоянию США – КНР к середине 2020-х годов: политические и военные аспекты // Актуальные проблемы Европы. 2024b. № 4. С. 223–239.

Auswärtiges Amt zu den Konsultationen der Außen- und Verteidigungsministerinnen und -minister Deutschlands und Japans am 3. November 2022 // Auswärtiges Amt. 04.11.2022. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/2562000 (дата обращения: 14.12.2024).

Außen- und sicherheitspolitische Konsultationen zwischen Japan und Deutschland // Auswärtiges Amt. 13.04.2021. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de/service/laender/japan-node/aussen-sicherheitspolitische-konsultationen-mit-japan/2453644 (дата обращения: 14.12.2024).

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017. Rüstungsexportbericht 2017. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2018. 111 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018. Rüstungsexportbericht 2018. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2019. 109 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019. Rüstungsexportbericht 2019. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2020. 127 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2020. Rüstungsexportbericht 2020. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2021. 139 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2021. Rüstungsexportbericht 2021. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz, 2022. 145 S.

Deutschland und Japan arbeiten eng zusammen // Die Bundesregierung. 18.03.2023. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/deutsch-japanische-regierungskonsultationen-2171896 (дата обращения: 14.12.2024).

Gemeinsame Erklärung anlässlich der 5. Deutsch-Chinesischen Regierungskonsultationen // Chine Consulate (Düsseldorf). 09.07.2018. URL: http://dusseldorf.china-consulate.gov.cn/det/xwdt_6/201807/t20180712_3783054.htm (дата обращения: 14.12.2024).

Globalen Herausforderungen gemeinsam begegnen // Die Bundesregierung. 20.06.2023. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/deutsch-chinesische-konsultationen-2197484 (дата обращения: 14.12.2024).

Joint Leaders Statement on AUKUS // The White House. 13.03.2023. URL: http://web.archive.org/web/20241231152315/https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/13/joint-leaders-statement-on-aukus-2/ (дата обращения: 04.12.2025).

Indo-Pacific Deployment 2021 // Bundeswehr. 02.08.2021a. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pacific-deployment-2021 (дата обращения: 14.12.2024).

Indo-Pacific Deployment: “Bayern” aus Japan ausgelaufen // Bundeswehr. 15.11.2021b. https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pacific-deployment-bayern-aus-japan-ausgelaufen-5262822 (дата обращения: 14.12.2024).

Leitlinien zum Indo-Pazifik. Berlin: Bundesregierung, 2020. 68 S.

Marinemanöver: Die “Bayern” bei ANNUALEX 2021 // Bundeswehr. 09.12.2021. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/manoever-fregatte-bayern-annual-ex-2021-5311952 (дата обращения: 14.12.2024).

Maull H.M., Stanzel A., Thimm J. USA und China auf Kollisionskurs. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik; Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, 2023. 48 S.

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem japanischen Ministerpräsidenten Kishida zum Abschluss der deutsch-japanischen Regierungskonsultationen (Die Protokollierung des fremdsprachlichen Teils erfolgte anhand der Simultandolmetschung) // Die Bundesregierung. 19.03.2023. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-dem-japanischen-ministerpraesidenten-kishida-zum-abschluss-der-deutsch-japanischen-regierungskonsultationen-2172340 (дата обращения: 14.12.2024).

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsident Kishida zum Besuch von Bundeskanzler Scholz in Japan am 28. April 2022 in Tokio (Die Protokollierung des fremdsprachlichen Teils erfolgte anhand der Simultandolmetschung) // Die Bundesregierung. 28.04.2022. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-minister-praesident-kishida-zum-besuch-von-bundeskanzler-scholz-in-japan-am-28-april-2022-2028824 (дата обращения: 14.12.2024).

Rapid Pacific 2022 // Bundeswehr. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/team-luftwaffe-auf-uebung/rapid-pacific-2022 (дата обращения: 14.12.2024).

Rapid Pacific Teil 4 – Die Besuche // Bundeswehr. 26.09.2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/team-luftwaffe-auf-uebung/rapid-pacific-teil-4-die-besuche (дата обращения: 14.12.2024).

Romei S. Watching Ukraine, South Korea and Japan eye nuclear weapons. Here’s what the US should do // The Bulletin. 20.07.2023. URL: https://thebulletin.org/2023/07/watching-ukraine-south-korea-and-japan-eye-nuclear-weapons-heres-what-the-us-should-do/ (дата обращения: 14.12.2024).

Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom, and the United States on the Establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP) // The White House. 24.06.2022. URL: https://web.archive.org/web/20241126012732/https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-by-australia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-the-establishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-pbp/ (дата обращения: 04.12.2025).

Strengthening NATO’s eastern flank // NATO. 23.10.2025. URL: https://www.nato.int/en/what-we-do/deterrence-and-defence/strengthening-natos-eastern-flank (дата обращения: 17.12.2025).

References

Arzamanova T.V. Kitaiskaya golovolomka v kontekste «smeny epokh» (Zeitenwende) [Chinese conundrum in the context of “change of eras” (Zeitenwende)]. Aktual’nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024. N 4. P. 240–259. (In Russ.)

Arzamanova T.V. Otdel’nye aspekty strategicheskogo planirovaniya Germanii v Indo-Tikhookeanskom regione v usloviyakh vozvrashcheniya sopernichestva velikikh derzhav [Some aspects of German strategic planning in Indo-Pacific region facing the return of great power rivalry]. Aktual’nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2022. N 4. P. 258–284. (In Russ.)

Atlas ofitsera [The atlas of the officer]. Moscow: Voenno-topograficheskoe upravlenie GSh vs SSSR, 1974. 394 p.

Auswärtiges Amt zu den Konsultationen der Außen- und Verteidigungsministerinnen und -minister Deutschlands und Japans am 3. November 2022. Auswärtiges Amt. 04.11.2022. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/de/newsroom/-/2562000 (date of access: 14.12.2024).

Außen- und sicherheitspolitische Konsultationen zwischen Japan und Deutschland. Auswärtiges Amt. 13.04.2021. https://www.auswaertiges-amt.de/de/service/laender/japan-node/aussen-sicherheitspolitische-konsultationen-mit-japan/2453644 (date of access: 14.12.2024).

Belov V.B. Otnosheniya FRG s KNR: neprostoe triedinstvo partnerstva, konkurentsii i sopernichestva [Germany's relations with China: an uneasy trinity of partnership, competition and rivalry]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024. N 4. P. 199–222. (In Russ.)

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2017. Rüstungsexportbericht 2017. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2018. 111 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2018. Rüstungsexportbericht 2018. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2019. 109 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2019. Rüstungsexportbericht 2019. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2020. 127 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2020. Rüstungsexportbericht 2020. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Energie, 2021. 139 S.

Bericht der Bundesregierung über ihre Exportpolitik für konventionelle Rüstungsgüter im Jahre 2021. Rüstungsexportbericht 2021. Berlin: Bundesministerium für Wirtschaft und Klimaschutz, 2022. 145 S.

Deutschland und Japan arbeiten eng zusammen. Die Bundesregierung. 18.03.2023. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/deutsch-japanische-regierungskonsultationen-2171896 (date of access: 14.12.2024).

Gemeinsame Erklärung anlässlich der 5. Deutsch-Chinesischen Regierungskonsultationen. Chine Consulate (Düsseldorf). 09.07.2018. URL: http://dusseldorf.china-consulate.gov.cn/det/xwdt_6/201807/t20180712_3783054.htm (date of access: 14.12.2024).

Globalen Herausforderungen gemeinsam begegnen. Die Bundesregierung. 20.06.2023. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/deutsch-chinesische-konsultationen-2197484 (date of access: 14.12.2024).

Joint Leaders Statement on AUKUS. The White House. 13.03.2023. URL: http://web.archive.org/web/20241231152315/https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/03/13/joint-leaders-statement-on-aukus-2/ (date of access: 04.12.2025).

Indo-Pacific Deployment 2021. Bundeswehr. 02.08.2021a. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pacific-deployment-2021 (date of access: 14.12.2024).

Indo-Pacific Deployment: "Bayern" aus Japan ausgelaufen. Bundeswehr. 15.11.2021b. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/indo-pacific-deployment-bayern-aus-japan-ausgelaufen-5262822 (date of access: 14.12.2024).

Istomin I.A. Vashington – Seul – Tokio v doktrine Baidena [Washington-Seoul-Tokyo triangle in the Biden doctrine]. Rossiya v global'noi politike [Russia in global affairs]. 2023. N 3. P. 208–212. (In Russ.)

Leitlinien zum Indo-Pazifik. Berlin: Bundesregierung, 2020. 68 S.

Marinemanöver: Die "Bayern" bei ANNUALEX 2021. Bundeswehr. 09.12.2021. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/marine/aktuelles/manoever-fregatte-bayern-annualex-2021-5311952 (date of access: 14.12.2024).

Maull H.M., Stanzel A., Thimm J. USA und China auf Kollisionskurs. Berlin: Stiftung Wissenschaft und Politik; Deutsches Institut für Internationale Politik und Sicherheit, 2023. 48 S.

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und dem japanischen Ministerpräsidenten Kishida zum Abschluss der deutsch-japanischen Regierungskonsultationen (Die Protokollierung des fremdsprachlichen Teils erfolgte anhand der Simultandolmetschung). Die Bundesregierung. 19.03.2023. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-dem-japanischen-ministerpraesidenten-kishida-zum-abschluss-der-deutsch-japanischen-regierungskonsultationen-2172340 (date of access: 14.12.2024).

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz und Ministerpräsident Kishida zum Besuch von Bundeskanzler Scholz in Japan am 28. April 2022 in Tokio (Die Protokollierung des fremdsprachlichen Teils erfolgte anhand der Simultandolmetschung). Die Bundesregierung. 28.04.2022. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-und-minister-praesident-kishida-zum-besuch-von-bundeskanzler-scholz-in-japan-am-28-april-2022-2028824 (date of access: 14.12.2024).

Rapid Pacific 2022. Bundeswehr. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/team-luftwaffe-auf-uebung/rapid-pacific-2022 (date of access: 14.12.2024).

Rapid Pacific Teil 4 – Die Besuche. Bundeswehr. 26.09.2022. URL: https://www.bundeswehr.de/de/organisation/luftwaffe/team-luftwaffe-auf-uebung/rapid-pacific-teil-4-die-besuche

(date of access: 14.12.2024).

Romei S. Watching Ukraine, South Korea and Japan eye nuclear weapons. Here's what the US should do. The Bulletin. 20.07.2023. URL: https://thebulletin.org/2023/07/watching-ukraine-south-korea-and-japan-eye-nuclear-weapons-heres-what-the-us-should-do/ (date of access: 14.12.2024).

Sidorov A.Yu. Otnosheniya SShA i Kitaya pri administratsii Dzh. Baidena: novyi etap protivostoyaniya [The US – China relations during the Biden administration: a new stage of competition]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024a. N 4. P. 27–48. (In Russ.)

Smirnov L.N., Zaitsev E.B. Sud v Tokio [Tribunal in Tokyo]. Moscow: Voennoe izdatel'stvo Ministerstva oborony SSSR, 1978. 542 p. (In Russ.)

Statement by Australia, Japan, New Zealand, the United Kingdom, and the United States on the Establishment of the Partners in the Blue Pacific (PBP). The White House. 24.06.2022. URL: https://web.archive.org/web/20241126012732/https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/06/24/statement-by-australia-japan-new-zealand-the-united-kingdom-and-the-united-states-on-the-establishment-of-the-partners-in-the-blue-pacific-pbp/ (date of access: 04.12.2025).

Strengthening NATO's eastern flank. NATO. 23.10.2025. URL: https://www.nato.int/en/what-we-do/deterrence-and-defence/strengthening-natos-eastern-flank (date of access: 17.12.2025).

Trunov Ph.O. Dinamika protivostoyaniya SShA s KNR i pozitsiya evropeiskikh gosudarstv [The dynamics of the US–PRC competition and the positions of the European states]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024a. N 4. P. 223–239. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Germanskaya model' voennykh reform [Germany`s model of military reforms]. Moscow: INION RAN, 2022. 360 p. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Osobennosti podkhoda Germanii k vystraivaniyu sotrudnichestva s Yaponiei v sfere bezopasnosti i oborony v nachale 2020 kh gg. [The features of German-Japanese cooperation in the sphere of security and defence in the early 2020s]. Problemy Dal'nego Vostoka [Far Eastern Studies]. 2023. N 3. P. 143–158. (In Russ.)

Trunov Ph.O. Podkhod FRG k protivostoyaniyu SShA – KNR k seredine 2020-kh godov: politicheskie i voennye aspekty [FRG's approach to the US – China rivalry by the mid-2020s: political and military aspects]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024b. N 4. P. 223–239. (In Russ.)

Vasil'ev V.S. Anglosaksonskie skrizhali narastayushchego global'nogo tsivilizatsionnogo protivostoyaniya [Anglo-Saxon guidestones of growing global confrontation between civilizations]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024. N 4. P. 234–257. (In Russ.)

Vasil'ev V.S. «Kholodnaya voina» mezhdu SShA i KNR: rol' i interesy Velikobritanii ["Cold War" between the USA and China: the role and interests of Great Britain]. Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]. 2024. N 4. P. 125–143. (In Russ.)